

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ:
НОВОСТЬ ИЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ?

В.П. ЗИНЧЕНКО

Пolemичная публикация направлена против абсолютизации принципа детерминизма. Вслед за И.Р. Пригожиным, провозгласившим «конец определенности», автор пишет о детерминизме как о первой форме редукционизма в психологии. История психологии рассматривается им как поиск путей преодоления неопределенности. Парадокс состоит в том, что даже успешное преодоление порождает новые формы неопределенности. Наиболее эффективным способом преодоления неопределенности, по мнению автора, является свободное, а не детерминированное действие.

Ключевые слова: детерминизм, неопределенность, свобода, субъективное, объективное, разум, рассудок, рефлексия, чувства, доверие.

Пути науки неисповедимы. Психология в качестве науки зародилась в лоне философии и довольно долго развивалась вместе с этой свободной и не слишком определенной сферой человеческой мысли. Видимо, устав от неопределенности и субъективизма, в том числе и от укоров в «душевном водолействе» со стороны других наук, раньше нее отпочковавшихся от философии, психология устремилась к объективности и детерминизму — идеалам научного знания классической науки. Вполне разумное предположение о детерминизме возникло в философии, в науке, в том числе и в психологии, не от хорошей жизни, а как средство справиться с неопределенностью «объективного» природного и «субъективного» человеческого миров. Такое предположение подпитывалось верой во всеиллие разума. Согласно Б. Спинозе, «природе разума свойственно рассматривать вещи не как случайные, а

как необходимые» и к тому же «постигать их под знаком вечности» [14; 142]. Случайность Б. Спиноза относил на счет колебаний воображения, а не разума. Затем вера превращалась в догмат, в принцип, но лишь постепенно выяснялось, что как средство мышления и науки детерминизм не слишком надежен и не универсален. Детерминизм, возведенный в принцип, представляет собой вольную или невольную, осознанную или спонтанную, но в любом случае редукцию неопределенности и хаоса к порядку, что, по-видимому, представляет собой одну из первых форм редукционизма в науке. И как в любой из форм редукционизма вера в детерминизм преобладает над сомнением. Трудно спорить с тем, что гипотеза детерминизма приносит практические выгоды, например некоторые возможности предвидения, господства над природой, которое, впрочем, чем больше, тем чаще оборачивается бедами. Прислушаемся к давним размышлениям Л.И. Шестова: «И все же наше знание направлено исключительно на изучение закономерности явлений, словно свободное творческое начало есть

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 05-06-80509, и Научного фонда ГУ-ВШЭ, грант 07-01-178: «Творческий акт и смысл в структуре сознания».

что-то предосудительное и постыдное, так что мы и сам Бог должны забыть о нем или хотя бы никогда не говорить!» [19; 616].

Конечно, с психологической точки зрения детерминизм вполне оправдан, так как всякое живое существо (в том числе и ученое) пугается неизвестности, неопределенности, ищет определенности, а найдя ее, бежит от нее, боится предопределенности, надеется даже тогда, когда надеяться на объективные обстоятельства оснований нет и остается лишь упование на судьбу, на чудо или, что вернее, на самого себя, на свои собственные, так называемые субъективные, возможности и силы. Несмотря на очевидность сказанного, психология, вопреки здравому смыслу, продолжала погоню за объективностью и за причинными объяснениями поведения и психики. Не зря, видимо, говорят: тот, кто идет за кем-то, всегда остается позади. Примечательно, что один из наиболее убежденных детерминистов, историк психологии М.Г. Ярошевский вчитывал, например, в труды Л.С. Выготского изобретенные много позже кончины последнего методологические принципы советской психологии: принцип детерминизма, правда, с приставкой «нео», системности и историзма (последний — безупречен) и др. (22; 119). И это при том, что Л.С. Выготский был одним из последних советских психологов, который еще писал (хотя уже не без страха и упрека) о проблемах свободы мысли, свободы воли и свободного действия.

Объективность субъективного. Психология почти освободилась от вменявшегося ей в вину субъективизма примерно в то самое время, когда физики пришли к выводу, что печать субъективности лежит на фундаментальных законах физики (А. Эддингтон). Задолго до А. Эддингтона это констатировал Ф. Ницше: «Не победа науки есть то, что отличает наш 19-й век, но победа естественного метода над наукой». Это положение Ф. Ницше разъяснил М. Хайдеггер: «Что сказано этими словами? Что метод стоит не только на службе науки, но определенным образом

над ней. Наука управляется методом. Что этим имеется в виду? Не что иное, как то, что метод прежде всего определяет, что должно быть предметом науки и каким способом он единственно доступен, т.е. определяем в своей предметности. Своей фразой Ницше сказал, что собственно происходит в нововременной естественной науке. Первичное — это уже не природа, как она из себя является человеку, но определяющим является то, как человек может представлять себе природу, исходя из намерения господствовать над ней» [18; 94]. Это, между прочим, и есть печать субъективности на фундаментальных законах естественных наук. Но этого мало. М. Хайдеггер для разъяснения употребляемого в естественной науке И. Кантом понятия предмета приводит слова И.В. Гёте из его «Максимов и размышлений» (1025, 1027): «Когда из мира исчезают воззрения (Ansichten), часто теряются и сами предметы. По большому счету можно даже сказать, что воззрение и есть предмет... Так как предметы лишь при помощи человеческих воззрений выдвигаются из ничто, то если теряются воззрения, они вновь возвращаются в ничто». М. Хайдеггер комментирует: «Этим говорится не что иное, как то, что объективность объектов определяется способом представления (воззрения) субъекта (трансцендентальное разрешение предмета) через субъективность» [Там же]. Далее он поясняет: нужно понимать, что у И. Канта имя «трансцендентальный» является лишь другим словом для «онтологического». И наконец, он заключает: не существует научного исследования какой-либо предметной области без высказанной или невысказанной онтологии. На модном ныне языке это можно назвать философским обоснованием толерантности научного знания к субъективному.

Сказанное о влиянии (и победе!) метода над естественными и точными науками в выделении предмета их изучения в полной мере относится и к гуманитарным наукам, в их числе и к психологии. Над последними (и над их методом, и над

предметом) до недавнего времени властвовала еще и идеология, нередко выдававшаяся за методологию. Однако этот, очевидно, разрушительный для науки сюжет оставим вне рассмотрения, тем более что, по меткому замечанию писателя М. Кундеры, «глупость коммерческая пришла на смену глупости идеологической». Кажется даже, что в советское время переигрывать идеологическую глупость было легче, а главное, интереснее, чем сегодня — коммерческую.

В свое оправдание и утешение можно сказать, что психологи вместе с физиологами (только с некоторыми) и философами изредка проявляли толерантность к субъективному и приходили к заключению, что оно не менее объективно, чем так называемое объективное, что необходимо расширение понятия объективного за счет включения в него субъективного. Об этом в разное время по-своему писали А.А. Ухтомский, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет, В.И. Вернадский, С.Л. Франк, Л.С. Выготский, М.К. Мамардашвили и автор этих строк [8]. Разделение субъекта и объекта весьма относительно, они постоянно взаимопроникают друг в друга: «И всякий хозяйственный акт осуществляет собой некоторое слияние субъекта и объекта, внедрение субъекта в объект, субъективирование объекта, или же выход субъекта из себя в мир вещей, в объект, т.е. объективирование субъекта» [1; 90]. Сказанное об акте хозяйственном относится и к актам эстетическим, духовным: «То, что у нас внутри, — это и есть реальность» (М. Шагал); «Истинное произведение искусства возникает таинственным образом “из художника”». Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом, ведущим также и материальную жизнь; оно становится *существом...* Оно живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы» [9; 99]. Ж. Делез и Ф. Гваттари сравнительно недавно похожим образом аргументировали объективность концепта как фи-

лософской реальности: «Все по-настоящему сотворенное, от живого существа до произведения искусства, способно в силу этого к самополаганию, обладает аутопойетическим характером, по которому его и узнают. Чем более концепт творится, тем более он сам себя полагает. Завися от вольной творческой деятельности, он также и сам в себе себя полагает, независимо и необходимо; самое субъективное оказывается и самым объективным» [5; 21]. Категоричен был и С.Л. Франк, который писал, что бытие нашего Я, нашей самости, не субъективно, оно является *первичной реальностью, превосходящей* всякую объективную действительность.

Ученики Л.С. Выготского — А.В. Запорожец и Д.Б. Эльконин высоко ценили положения своего учителя относительно объективности существования аффективно-смысловых образований, представленных в произведениях искусства и в других творениях людей. Такие аффективно-смысловые образования опасно смешивать с агрессивно-аффективными образованиями массовой культуры, которые довольно далеки от смысла. К сожалению, последние настолько объективны, что могут породить «электронное средневековье» (Э. Тоффлер, У. Эко).

Духосфера и ноосфера, какими бы они ни были, не менее объективны, чем техносфера. Современные экономисты и футурологи, переоткрывая идеи К. Маркса об отчуждении и о форме превращенной, все чаще говорят о неосвязаемой, нематериальной собственности, о «виртуальной экономике», «социальном капитале», об «экономике знаний», об «управлении знаниями» и т.п. Но ведь это же относится и к внутреннему, называемому субъективным, миру каждого отдельного человека. Подавляющее большинство человеческих способностей, знаний, умений, навыков существует виртуально: они наблюдаемы лишь в исполнении. Внешность человека обманчива, а его внутреннее — таинственно. Взаимоотношения между внешним и внутренним не симметричны, и их описание не исчерпывается понятиями инте-

риоризации/экстериоризации. Не только сон разума рождает чудовищ. Бодрствующий, например кипящий, возмущенный, разум рождает такое, что в самом кошмарном сне не приснится. И это рожденное воплощается, становится объективной и, к несчастью, субъективной реальностью. Ноосфера — ноосферой, но и глупость достигает космических высот, производит свои вполне объективные следствия. И даже иногда заслуживает похвалы.

Внутренний мир человека, конечно, субъективный, что не мешает ему быть вполне объективным! Словом, в субъективности нет ничего стыдного. Субъективность и пристрастность человеческих взглядов и отношений вполне естественны, впрочем, как и субъективизм и предвзятость. Иное дело, что последние подвергаются нравственным оценкам. П.Я. Гальперин, в свое время много занимавшийся проблемой предмета психологии, мечтал, чтобы она, наконец, стала объективной наукой о субъективном мире человека (и животных). Это совсем не похоже на привычное определение: «Психика — субъективное отражение объективного мира». Психология, признающая объективность субъективного мира, не требует оправдания в форме признания ее неклассической наукой, тем более, что такая психология вовсе не отвергает, а опирается на достижения классической психологии. Нужно согласиться с М. Хайдеггером, что даже вопрос о бытии как таковом, будучи основным метафизическим вопросом, не мог бы быть поставлен из «субъективности» человека как разумного животного (*animal rationale*). В решении этого вопроса он категоричен: «Установленное в научной объективности принимается за истинно сущее. Звучит великолепно. Только слишком часто забывается, что эта объективность возможна лишь потому, что сам человек привязался к субъективности, никак не понимаемой из себя самой» [18; 86].

Сказанное об объективности субъективного — не принижение последнего.

Напротив: как следует из приведенных выше размышлений, субъективное, например, в виде избранного или созданного метода, определяет или доопределяет объективное, нередко маскирует его подлинную сложность, приобретает власть над ним — иногда во благо, а порой и во вред. Подобные издержки называются редукционизмом. Вспомним знаменитое утверждение И.П. Павлова: «Все в методе». Правда, в отличие от своих адептов, особенно 50-х гг. XX в., он не пытался с помощью найденного им ключа к изучению динамики нервных процессов открывать чужие замки. Кажется, на одной из Павловских сред своему слишком ретивому последователю И.П. Павлов сказал: «Мышление — это не рефлекс, это — другой случай». С этим «случаем» психология разбирается до сих пор, и конца не видно.

О реальности субъективного и об относительности разделения и противопоставления субъективного и объективного мы слишком хорошо знаем на собственном опыте: наши состояния столь же объективны, сколь и субъективны. М.К. Мамардашвили заметил, что термин «состояние» позволяет нам не делать никаких различий, в том числе между душой и телом (замечу, что эти различия были введены теологией). Уместно вспомнить и язвительное замечание О. Уайльда: «Те, кто видят различие между телом и душой, не имеют ни тела, ни души». Находясь в болезненном состоянии, А. Белый писал: «Психология оплотнела во мне в физиологию». В этом же контексте можно упомянуть «тело любви» (Л.Н. Толстой), «смертную плоть смысла» (М.М. Бахтин), «тело желания» (М.К. Мамардашвили), «поэтическую материю» (О. Мандельштам), *плоть слова* и т.д. и т.п. Именно в контексте обсуждения функциональных состояний человека А.А. Ухтомский высказал приведенное выше положение об объективности субъективного. Пациент вовсе необязательно обманет, характеризуя свое состояние. Старые доктора на основании его слов ставили диагноз порой точнее, чем это делается сегодня на

основании объективной инструментальной диагностики.

Объективация субъективного и субъективация объективного (а не простенькое отражение, копирование субъектом объекта) есть фундаментальное условие человеческой жизни. Это значит, что мы имеем дело не с бытием отдельно и сознанием отдельно, а с единым континуумом «бытие—сознание» (М.К. Мамардашвили). Наконец, расширение понятия объективного за счет включения в него субъективного вовсе не требует отрицания души, ее активности, непосредственной данности душевных явлений переживающему их индивиду. Онтология души и духа — вполне достойный предмет размышлений философии и психологии. Завершая этот сюжет, скажу, что представителям естественных наук, прежде всего физиологам, следовало бы покаяться перед психологией в давних упреках в ее субъективизме (в «душевном водолействе») и, наконец, осознать и признать свой собственный субъективизм.

Объективность неопределенности и субъективность (кажимость) детерминизма. Ситуация с объективностью неопределенности аналогична ситуации с объективностью субъективного. Поэтому-то с неопределенностью так и не смогла справиться ни одна наука. Большинство из них, конечно, преодолевали ее, но лишь в своих мечтах, мифах, идеальных схемах, моделях с помощью хитроумных статистических ухищрений. Все это давало возможность сохранять незыблемыми принципы детерминизма, причинности всего сущего, отвергать случайность (а вместе с ней и свободу!). Крылатая фраза А. Эйнштейна «Бог в кости не играет» произнесена в XX в.

Здесь прозрение приходит еще позже, чем в случае признания объективности субъективного. История повторяется. Психологи вместе с другими гуманитариями долгое время не замечали драматического состязания детерминизма и индетерминизма в химии и физике. Краткая история и развязка (развязка ли?) драмы

изложены в книге И.Р. Пригожина с примечательным и решительным названием: «Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы», изданной на английском языке в 1997 г., а в русском переводе — в 2000 г. Помимо времени и хаоса ключевыми словами в книге являются неопределенность, необратимость, асимметрия, степени свободы, индетерминизм, точки бифуркации и т.п. Казалось бы, нужно последовать его примеру и написать аналогичную книгу о психологии или даже о гуманитарной науке в целом. Однако пока энтузиастов не нашлось, что не должно удивлять. Ведь на самом деле настоящей определенности в психологии никогда не было, так что нечему было кончатся, более того, неопределенность в психологии выступала значительно явственнее, чем в других науках. Около 60 лет тому назад, когда я захотел стать психологом, мой отец П.И. Зинченко, отговаривая меня, сказал, что психология после богословия и медицины — самая точная наука. Именно это и послужило решающим аргументом в пользу моего выбора.

В психологии всегда фиксировался разброс параметров, касалось ли это изучения порогов чувствительности, времени реакции, траектории живого движения, объемов внимания и памяти, силы эмоций, ума и глупости и т.п. Разброс обычно объяснялся, помимо факторов наследственности и среды, нетождественностью начальных условий измерения, динамикой функциональных состояний испытуемых, их индивидуальными различиями, трудностями учета и элиминации влияющих на измерение внешних и внутренних факторов и другими притворяющимися переменными и обстоятельствами. К этому нужно добавить неоднозначность восприятия, многозначность слова, амбивалентность эмоций, множественность мотивов, ценностей, полифонию сознания, открытость образа, неопределенность развязки в борьбе мотивов, в соревновании и противоборстве познания, чувства и воли, происходящих в нашей душе.

Н.А. Бернштейн, изучавший живое движение, говорил о неустраимости разброса, об уникальности каждого совершаемого человеком акта. Поэтому-то, например, «упражнение — это повторение без повторения», неповторимо также произнесение каждого слова (А.А. Потебня). Объяснение этому А.Н. Бернштейн видел в избытке степеней свободы кинематических цепей человеческого тела. Такая параметрическая неопределенность имеет онтическую природу. Она, конечно, представляет собой источник неудобств для исследователей, но это не слишком дорогая плата за универсальность и совершенство устройства нашего тела. Количество и разнообразие формируемых и разыгрываемых на нем реальных и потенциальных движений и действий не имеет отчетливых границ. Более того, параметрическая неопределенность оказывается необходимым условием достижения структурной определенности, которая наблюдается в освоенных двигательных, перцептивных, мнемических и умственных умениях и навыках. Подобная определенность оказывается, порой, чрезмерной, когда построенные структуры окостеневают, становятся шаблонами, стереотипами, преодоление которых, согласно давним исследованиям И.П. Павлова, — большой труд. К счастью, абсолютная структурная определенность в принципе недостижима, ибо ее неотъемлемой частью является неопределенность параметрическая: любая структура таит в себе свое собственное жало смерти. Забегая вперед, скажу, что это относится не только к живым структурам, но и к структурам эпистемологическим — к концептуальным схемам, теоретическим конструкциям и (страшно сказать!) структурам управленческим.

Постоянные флуктуации и неопределенность результатов не колебали уверенности в возможности и необходимости детерминистического описания и объяснения психики. Душа и дух, также мешавшие такому объяснению, были изгнаны из психологии. Ведь дух свободен, он дышит, где хочет. Принцип детерминизма,

сам будучи формой редукции неопределенности, с необходимостью порождал другие формы редукции психики и сознания к тому, что таковым не является. Без этой идея детерминизма в психологии не могла бы быть столь живучей. Наиболее ярким примером является физиологический редукционизм. С отрицания души началась и на том стоит физиологическая психология. Последняя пренебрегла и телом, оставив для исследований лишь его небольшую часть — мозг. Благодаря своей сверхсложности он служил и служит, пожалуй, наиболее благоприятным плацдармом как для самых разнообразных удивительных находок, так и для самых неправдоподобных гипотез, фантазий, мифов, число которых едва ли когда-нибудь будет исчерпано. Последние по времени — ожившие и новые гомункулусы — находящиеся в мозге и глядящие из него в будущее акцепторы результатов действия, нейроны сознания, эгоизма, альтруизма... Предприимчивые физиологи даже гадают на альфа-ритме ЭЭГ об устремленности и порядочности человека. По сравнению с этим кажется более правдоподобным суждение персонажа Н.В. Гоголя: «Мозга в голове нет, его приносит ветром со стороны Каспийского моря» («Записки сумасшедшего»).

Достоин удивления, что к 150-летнему юбилею З. Фрейда никто не озаботился поисками нейронов бессознательного, нагруженного едва ли не большим числом функций, чем сознание. Уж если так полюбилось слово «нейрон», то я готов согласиться, что нейроном сознания является весь человек с духом, с душой, с телом, с его настоящим, прошлым и будущим. Ищущим нейроны сознания невдомек, что З. Фрейд обязан своими успехами в изучении сознания и бессознательного уходу из лаборатории мозга, где занимались психологией «строго научно». Этиология «строго научной» физиологической психологии 100 лет тому назад была превосходно представлена Г.Г. Шпетом [20]. К сожалению, это в высшей степени почетное сочинение впервые опублико-

вано только в 2006 г. Слава Богу, рукописи не горят. Сказанное о физиологической психологии не относится к физиологии активности А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна, которую А.Р. Лурия назвал психологической физиологией и из которой выросла его собственная нейропсихология.

Не будем останавливаться на таких общеизвестных формах редукции, как биолого-генетическая, логико-математическая, социологическая и пр. Их число в психологии беспрецедентно. Причина этого состоит в привлекательности психологии для дилетантов-любителей. Чем больше их притекает в психологию, тем более разнообразны формы редукции психики. В распространении редукционизма нельзя приуменьшать роль конформизма и податливости ему самих психологов. Осознавая свое бессилие в строго детерминистическом объяснении психики и веря в его возможность, они уповают на приход варягов, а то и сами призывают их.

Так или иначе, но из психологии изгнаны и образы, и свобода воли, и свободное действие. Со временем вводились более мягкие формы детерминизма, например детерминизм, облегченный признанием автономии, детерминизм по цели, реципрокный, множественный, вероятностный детерминизм и др., но *принцип* детерминизма оставался (и в сознании многих психологов остается) незыблемым. Парадокс состоит в том, что психологи, крайне редко сталкивавшиеся с полной определенностью, как бы не доверяя самим себе, весьма осторожно начинают говорить о толерантности к неопределенности. Хотя психологи никогда не утверждали, что кто-либо из смертных пошел навстречу пожеланию Протагора и познал самого себя. Да и с познанием Другого дела тоже обстоят не намного лучше. Это не упрек в адрес психологии и психологов. В любой науке доминирует стремление к точности, к выявлению «последних причин», и отказ от этого требует усилий, решимости, а часто и мужества. И.Р. Пригожин приводит выдержку из письма

А. Эйнштейна М. Борну, написанного в 1924 г.: если бы ему пришлось отказаться от строгой причинности, то он «предпочел бы стать сапожником или служащим в игорном доме, чем физиком» [13; 163]. Но в конце жизни А. Эйнштейн все же изменил свое мнение о том, что «для нас, убежденных физиков, различие между прошлым, настоящим и будущим — иллюзия, хотя и стойкая». Когда в 1949 г. К. Гедель предложил ему космологическую модель, согласно которой можно вернуться в собственное прошлое, он отнюдь не был в восторге. В ответе К. Геделю А. Эйнштейн писал, что не верит, будто может «телеграфировать в свое прошлое», и добавил, что невозможность возвращения в прошлое должна привести физиков к необходимости пересмотра проблемы необратимости (см. [13; 144]) и, соответственно, к признанию следствий необратимости — неопределенности, индетерминизма и т.д.

«Конец определенности» и гимн индетерминизму — это позиция не только И.Р. Пригожина. Он «в свое оправдание» приводит высказывания философов и методологов науки, соглашаемых с К. Поппером, когда тот пишет: «Моя собственная точка зрения заключается в том, что индетерминизм совместим с реализмом и осознание этого факта позволяет нам понять непротиворечивую объективную эпистемологию всей квантовой теории и объективистскую интерпретацию вероятности» (цит. по [13; 118]). Идеям равновесия, гомеостаза И.Р. Пригожин противопоставляет квантовую теорию неустойчивых динамических систем с незатухающими взаимодействиями. Описания таких систем одновременно являются и статистическими и реалистическими. Общий вывод состоит в том, что: «Вероятность — более не состояние нашего разума, обусловленное нашим незнанием, а есть результат законов природы» [13; 118]. И далее: «Законы природы трактуют теперь не об определенности, а о возможностях и служат своего рода мостами через вековую пропасть, разделявшую бытие и становление. Они

описывают мир нерегулярных хаотических движений, который по своему духу ближе к миру, рожденному фантазией древних атомистов, чем к миру регулярных ньютоновских орбит. Этот беспорядок составляет самую основу макроскопических систем, к которым мы применяем эволюционное описание, связанное со вторым началом термодинамики — законом возрастающей энтропии» [13; 130]. И, наконец: «Необратимость и, следовательно, течение времени начинаются на динамическом уровне. Необратимость усиливается на макроскопическом уровне, затем на уровне жизни и, наконец, на уровне человеческой истории» [12; 142]. И.Р. Пригожин как бы в утешение сторонников детерминизма или в издевку над ними вводит понятие «детерминированный хаос» и описывает его законы. Социологи, озабоченные проблемами социального порядка, также признают, что неопределенность существует объективно как одна из характеристик данного этапа эволюции самого общества, а не как только недоработка нашего сознания [10; 3].

Возникает вопрос, что же в этой ситуации делать психологам? Вновь идти за естественниками, отказаться от привычных детерминистических установок и сосредоточиться на неопределенности, хаосе (первозданном или детерминированном, а может быть, и культурном?) и прочих интересных вещах? Не получится ли так, что нам через некоторое время придется озаботиться толерантностью к детерминизму?

Не разумнее ли обратиться к истории психологии? При внимательном взгляде можно увидеть, что история нашей науки есть чередование и сосуществование неопределенности и определенности. В результате изучения неопределенность выливается, оформляется в некоторую определенность, а последняя вновь (в результате таких же усилий) расплавляется в неопределенность. Таким образом, конца неопределенности, как и конца определенности в перспективе развития науки (и человечества) быть не может. Конец не-

определенности, затухание, пусть и кажущихся нелепыми, взаимодействий — это смерть, а конец определенности, пусть и кажущейся сверхразумной, — есть начало новой жизни. Это похоже на известную в философии, в гуманитарной науке, в том числе и в психологии, ситуацию качелей между материализмом и идеализмом, бытием и становлением, душой и телом, мыслью и словом, аффектом и интеллектом, природой и культурой, добром и злом и т.д. без конца. В этом же ряду оказались качели между определенностью и неопределенностью или — что то же — между детерминизмом и индетерминизмом. Не пора ли остановить качели? Или продолжать раскачивать? Кажется только, что от нас это не зависит.

В такой ситуации каждая из перечисленных полярностей несомненно представляет собой природную и/или культурную реальность, а между крайними членами каждой из полярностей также простирается единый, хотя и противоречивый континуум, нередко кажущийся пропастью. В случае неопределенности и определенности задача науки состоит в том, чтобы преодолеть неопределенность и с сомнением относиться к достигнутой определенности, понимать ее временный и неустойчивый характер, помнить известное правило: наши теории нужны лишь до тех пор, пока их не сменят другие, лучшие теории. Нужно помнить и парадоксальное положение К. Поппера, что именно фальсифицируемость теории, а не верификация, является критерием ее научности. Здесь если не образцом, то примером для науки может служить культура, являющаяся, несмотря на свою хрупкость, достаточно эффективным средством преодоления неопределенности и хаоса. Ф. Ницше говорил: «Культура — это лишь тонкая яблочная кожура над раскаленным хаосом». Об этом же А. Белый: «Культура — это заклятие хаоса». Наличие неопределенности, хаоса, свободы делает культуру живой, является залогом и условием ее развития:

Вино старится — в этом его будущее,
Культура бродит — в этом ее молодость.

О. Мандельштам

Некоторые способы преодоления неопределенности. Перейдем от этих достаточных общих размышлений к психологии и рассмотрим некоторые примеры преодоления неопределенности. Самый простой способ избавиться от неопределенности — постулировать определенность, даже — предопределенность. Это могут быть инстинкты, рефлексy (даже рефлекс цели и рефлекс свободы), судьба, сексуальные влечения, стремление к смерти и т.п. Однако со временем оказывается, что инстинкты не такие слепые, а рефлексy не такие косные, как предполагалось в начале их изучения. Не столь однозначны и прозрачны взаимоотношения между стимулами и реакциями. Исследователи постоянно сталкивались как с неопределенностью стимулов, так и с неопределенностью реакций. При этом недостаточно учитывалось, что неопределенность чего-либо для испытуемого (кем бы он ни был) не тождественна неопределенности в сознании исследователя. Последняя вторична по отношению к первой: для испытуемого неопределенность равна неполноте и недостоверности знания условий своих действий; для исследователя многие из этих условий также недостижимы. К тому же у него есть еще недостоверное знание мнения (состояния сознания) актора по поводу этих условий.

Чтобы понять, как в такой ситуации возможно целесообразное поведение, пришлось вводить между стимулами и реакциями промежуточные (привходящие) переменные, число которых настолько увеличивалось, что пришлось строить вероятностные модели поведения, противопоставлять неопределенности вероятностное реагирование и вероятностное прогнозирование. Хотя и до и после таких попыток люди догадывались, что судьба зависит не от вероятности: она сама слишком часто невероятна, так как определяется превратностями, а не выбором, основанным на подсчете или оценке пусть

и субъективной вероятности того или иного исхода. Еще древние греки говорили, что с судьбой можно играть: однако для этого ты должен быть умнее, чем боги. На такое впервые оказался способен только Эней, которого В.Н. Топоров назвал homo novus'ом в великом тексте средиземноморской культуры, одним из самых ранних прорывов в будущее, предощущением типа «европейского» человека Нового времени [15; 140]. Эней сумел сознательно усвоить и интегрировать опыт, поднимаясь над независимой игрой, которую с ним вели «природно-родовые» и «событийно-исторические» начала. Эней — уже не античный герой, он — личность: «Поэтому имеет глубокий смысл говорить не только о том, что будущее преформирует, «выстраивает» нынешнего Энея, но и Эней посылно «выстраивает» будущее, с которым ему предстоит встретиться; что не только судьба определяет поведение Энея, но и поведение Энея как бы начинает программировать соответствующую ему судьбу, индуцировать данный конкретный «энееобразующий» вариант ее» [15; 111]. Идеалом «европейского» человека является свободная личность, обладающая чувством ответственности и вины. На психологическом языке такая личность обладает интернальным локусом контроля. Она не склонна приписывать успехи и неудачи, достижения и проблемы внешним обстоятельствам, случайности, судьбе и т.п., а относит их на счет собственных усилий, способностей, желаний, воли или просчетов и ошибок.

Конечно, человек справляется с неопределенностью не только на личностном уровне, так сказать, не только на «верхнем до». Например, в организации поведения весьма велико значение выбора. В теории установки Д.Н. Узнадзе и его школы важную роль играет не только фиксированная установка, представляющая собой замечательный механизм адаптации к стабильным свойствам окружения, но и установка нефиксированная. Последняя есть готовность к выбору. Такую готовность В.А. Лефевр считает атрибутом всего

живого. Его экспериментальные исследования свидетельствуют о подчиняющейся загадочным образом правилу золотого сечения асимметричности выбора в равновероятных условиях. Так что даже буриданов осел — антивероятностное существо. Он, в конце концов, выберет какую-нибудь одну охапку сена, затем съест вторую и останется живым. Конечно, человеку, если он не осел, помимо асимметричности выбора, свойственны стремление к свободе, в том числе и от вероятности, чувство порождающей активности и чувство смысловой инициативы (М.М. Бахтин). Даже ребенок в «буридановой ситуации», используя жребий, совершает «свободный, совершенно произвольный поступок» [2; 278].

Там, где выбор, там и сравнение. О. Манделштам в «Разговоре о Данте» даже перефразировал знаменитое «*cogito ergo sum*»: «Я сравниваю — значит я живу». А сравнение предполагает рефлексивный акт соизмерения ситуации и возможностей действия в ней. Сегодня накапливаются данные, свидетельствующие о том, что досознательная, названная фоновой, рефлексия является таким же атрибутом всего живого, как и готовность к выбору [3]. Можно предположить, что на фундаменте фоновой, далекой от осознания рефлексии строится базовое *чувство* доверия (в смысле Э. Эриксона) к миру и к успешности своей активности. На этом же фундаменте надстраиваются более высокие уровни рефлексии, например даже такие, как «пост-редактирование знаменитый» (В.Н. Топоров), «*постскрипtum* мысли» (И. Бродский), трансформирующийся в «*прескрипtum*» действия и др. Разумеется, в преодолении неопределенности большое значение имеют чувственная и интеллектуальная интуиция, готовность к восприятию, готовность к мышлению, в том числе к понятийному, готовность к чувству, готовность действовать в условиях риска, наконец, готовность к беспредельному дерзанию.

Ключевыми для построений И.Р. Пригожина являются слова «асимметрия» и

«динамика». Они были ключевыми в определении жизни, которое дал А.А. Ухтомский в 1927 г.: «Жизнь — асимметрия, с постоянным колебанием на острие меча, удерживающаяся более или менее в равновесии лишь при устремлении, при постоянном движении. Энергический химический агент ставит живое существо перед дилеммой: если задержаться на накоплении этого вещества, то — смерть, а если тотчас использовать его активно, то — вовлечение энергии в круговорот жизни, строительство, синтез, сама жизнь. В конце концов, один и тот же фактор служит последним поводом к смерти для умирающего и поводом к усугублению жизни для того, кто будет жить» [16; 235]. Такое *энергичное* определение жизни не похоже на привычное и бессмысленное определение ее как способа существования белковых тел. В жизни помимо асимметрии выбора присутствуют *устремление и постоянное движение*, в том числе и к неизвестности, т.е. та же динамика. На том же острие меча колебался Гамлет, но его перед дилеммой ставил не химический агент, а смысл и нравственные ценности. Жизнь, как и творчество, — это всегда риск с постоянным колебанием на острие меча между успехом и поражением, мыслью и действием, сознанием и деятельностью, опытом и его использованием, аффектом и интеллектом, личностью и социумом и в этом же ряду — доверием и недоверием. Например, углубишься в познание — опоздаешь, обесмыслишь найденное действие; поспешишь с действием — людей насмешишь. Когда мышление, рефлексия автономизируются от практической деятельности, поведения или становятся слишком «умственными», действия зависают, вязнут в них, утрачивают имя действия:

Так трусами нас делает раздумье,
И вот решимости природной цвет
Хиреет под налетом мысли бледной,
И начинанья, взнесшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия...

В. Шекспир

А.А. Ухтомский конкретизировал, что означает «устремление», сказав, что «жизнь есть требование от бытия смысла и красоты». Э. Эриксон, раскрывая содержание *целостности эго*, в качестве важнейшей составляющей этого душевного состояния указывал, что это накопленная в течение жизни уверенность эго в своем стремлении к *порядку и смыслу*. Он подчеркивал, что такая целостность есть постнарциссическая любовь человеческого эго — не себя (!) — как переживание опыта, который передает некий мировой порядок и духовный смысл, независимо от того, как дорого за него заплачено [21; 376]. Подчеркивание Э. Эриксоном необходимости связи порядка со смыслом не случайно. Бессмысленный порядок (или система) часто бывает страшнее хаоса, так как в первом явственна угроза смерти, а в последнем имеется потенциал изменения и развития. В первом из приведенных определений жизни, данных А.А. Ухтомским, можно усмотреть и стимульно-реактивную схему, но главное, что в нем представлена динамика живого организма в его целом. Именно так он определял предмет физиологического исследования. Это та же динамическая нестабильность, которую И.Р. Пригожин многие годы спустя предложил положить в основание непротиворечивого описания природы. Стимульно-реактивная, или рефлекторная, схема представляет лишь частный случай, к чему позднее пришел основатель необихевиоризма и создатель теории целевого поведения Э. Толмен. Аналогична эволюция взглядов Л.С. Выготского. От ранних трактовок сознания как рефлекса рефлексов, переживания переживаний, как передаточного механизма между системами рефлексов он пришел к анализу переживания *per se* и к идеям системного (?) и смыслового строения сознания. Равным образом, в анализе мышления он перешел от значения к смыслу и рассматривал мыслительные структуры как структуры смысловые. Согласно Л.С. Выготскому, мышление и действие представляют собой две взаимодействующие динамиче-

ские системы. Уместно вспомнить и динамическую теорию личности К. Левина.

Таковыми же частными случаями (как рефлексология, реактология) в психологии были претендовавшие на всеобъемлемость теории, в основе которых лежали другие ключевые слова: ассоциация, гештальт, установка, отражение, ориентировка, операторная структура, деятельность и др. Только не нужно спешить покрывать многообразие подходов к изучению психологической реальности «вселенской смазью» системного подхода, ставшего в психологии, по-видимому, одной из последних попыток спасти принцип детерминизма. К тому же этот подход характеризовало пренебрежительное, чтобы не сказать агрессивное, отношение к теориям психологии. Поэтому он оказался способен лишь на то, чтобы породить бессистемную эмпирию. Доказательством ограниченности системного подхода (не только в психологии) является наступивший после не слишком долгой «методологической передышки» «бессистемный отход» (Б.З. Мильнер) от системного подхода, интеллигентно называемый «методологическим либерализмом». Ведь давно известно, что система — не предпосылка, а результат события мысли, и как таковой он имеет право на существование, особенно, если найденная или созданная система является открытой, а не замкнутой в себе и на себя. Ближайшей или более отдаленной перспективой закрытой системы будет не развитие, а гибель.

Спора нет, перечисленные выше теоретические подходы сыграли и продолжают играть свою роль в преодолении неопределенности, дав свои версии достижения определенности. Эти подходы находят свое место в описании динамики психики (и сознания) человека в его целом, когда психология приближается к такому описанию. Так, например, в нем не могут утратить своего значения исследования поиска и ориентировки, которые выдавались (и выдаются) за предмет всей психологической науки. Ясно, что исполнение и контроль играют не меньшую роль

в поведении и деятельности, чем ориентировка, и их невозможно исключить из сферы психологии. К тому же были люди, которых трудно упрекнуть в бахвальстве, говорившие: «Я не ищу, я нахожу». Это своего рода вопрошание — ответ без поиска. Приведу пример работы вдохновения: «Не прислушиваешься, не ищешь, принимаешь, не допытываясь, кто тебе приносит дар, мысль прорезывает, как молния, с необходимостью, не допускающей колебаний: я никогда не знал выбора... Все происходит в высокой степени непроизвольно, но как бы в буре и в грозе чувства свободы, полной безусловности, мощи божественности...» И далее Ф. Ницше, без ложной скромности заканчивает свои признания: «Таков мой опыт вдохновения; я не сомневаюсь, что нужно отойти на тысячи лет назад, чтобы найти кого-нибудь, кто вправе мне сказать — таков и мой опыт» (цит. по: [19; 471]; см. также в другом переводе [12; 747]). Описание Ф. Ницше, конечно, следует воспринимать со шепоткой соли. Случай или интуиция награждают достойного. Он не искал, но думал. Не так-то просто свести к ориентировке не только вдохновение, но и созерцание, медитацию, представляющие собой особые формы деятельности, которые были ведущими в жизни Ф. Ницше.

В качестве средства преодоления неопределенности выдвигалась деятельность в целом, включая ее ориентировочно-исследовательские компоненты. Это могло бы иметь свои резоны, если бы не было чересчур общо. Категория деятельности в известных пределах успешно несет функцию объяснительного принципа в психологии. Сложнее обстоит дело, когда деятельность выступает в качестве предмета исследования. Трудности изучения деятельности в свое время предвидел П.А. Флоренский: «Победа над законом тождества — вот что поднимает личность над безжизненной *вещью* и что делает ее живым центром *деятельности*. Но понятно, что деятельность, по самому существу ее, для рационализма непостижима, ибо

деятельность есть *творчество*, т.е. прибавление к данности того, что еще не есть данность, и, следовательно, преодоление закона тождества» (1914/1990 [17; 80]). Предельный случай нарушения закона тождества — это «творчество из ничего», понимаемое не только как божественный, но и как человеческий акт (Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов). *Прибавление* к данности того, что не есть данность, может рассматриваться двояко: как преодоление хаоса, как создание произведения, увеличивающего неопределенность благодаря его недосказанности. П.А. Флоренский пишет, что рационализм, т.е. философия понятия, рассудка, философия вещи и безжизненной неподвижности, всецело связана с законом тождества. Он называет такую философию плотской. В отличие от нее философия духовная, т.е. философия идеи и разума, философия личности и творческого подвига, опирается на возможность преодоления закона тождества [Там же]. Не будем с ним спорить, тем более, что почти за 100 лет, прошедших после написания этих слов, философия рассудка и духовная философия не слишком далеко продвинулись в анализе творчества.

Сегодня психологи, вслед за философами и методологами, обращаются к новым, неклассическим формам рациональности (что пока не слишком приблизило их к анализу деятельности и творчества), и это приводит к неожиданному результату — обесценению (реже — к переоценке) не только принципа детерминизма, но и других методологических принципов советской психологии — принципов рефлексивности психики, отражения, системности. Вернемся к деятельности. Если в ней и в конституирующих ее действиях содержится неведомая тайна, то едва ли нам удастся понять, как деятельность справляется с неопределенностью. Но ведь справляется же! Видимо, главным «инструментом» преодоления неопределенности является смысл. Б. Спиноза когда-то характеризовал память как ищущий себя интеллект. Это очень точно, так как без него память бесполезна. Об этом гово-

рится в «Маленькой книжке о большой памяти» А.Р. Лурия. Аналогичным образом, живое движение представляет собой ищущий себя смысл. Вне смысла оно есть не более чем моторная персеверация. Замечательно превращение живых движений младенца («детерминированного» природой «беби-хаоса») в предметные и произвольные действия. Еще более замечательно, что такое превращение не уничтожает этот исходный природный и плодотворный не столько хаотический, сколько хаосоподобный потенциал, а сохраняет его в качестве строительного материала для овладения новыми действиями и для совершенствования уже освоенных.

То же можно сказать и о других психических процессах. За кажущейся простотой ответа скрывается огромная сложность. Не разобравшись в ней, едва ли можно что-нибудь понять в психологии, в том числе и в средствах преодоления неопределенности, которыми располагает живое существо. По поводу сказанного можно, конечно, возразить, что понятие «смысл» — одно из самых неопределенных в психологии. С этим спорить невозможно. Но в реальной жизни постоянно происходит доопределение пусть и неосознанного, но ощущаемого, чувствуемого смысла в операциональных, предметных, перцептивных, эмоциональных, концептуальных и вербальных значениях, в поведении, в деятельности, т.е. в различных формах его «вторичного» воплощения. По последнему нам иногда удается судить об исходном, «первичном» смысле. *Означение смысла* — лишь половина дела, за которой необходима следующая фаза — рефлексивное осмысление полученного результата, т.е. *осмысление значения*. Вместе эти противоположно и, возможно, даже иногда одновременно совершающиеся акты составляют существо, ткань механизма понимания. Казалось бы, что понимание и есть достижение полной определенности. Но беда (или счастье?) состоит в том, что означение смысла и осмысление значения не симметричны, поэтому

полное понимание недостижимо, вместе с определенностью рождается и толика, а то и пропасть неопределенности, нередко маскируемая чувством, например радостью открытия, хотя бы и мнимого.

Там, где есть смысл, неминуемо присутствует чувство. К числу наиболее глубоких и едва ли не первых возникающих у ребенка чувств относится базовое (по Э. Эриксону) чувство доверия, которое, как и другие чувства, несмотря на всю их кажущуюся иррациональность, являются надежными союзниками в преодолении неопределенности. При ближайшем рассмотрении оказывается, что иррационального в чувстве доверия не так уж много. Оно рождается на бытийном уровне сознания, где почти нет места для «рацио». Говоря словами Л.С. Выготского, еще должна состояться «встреча» аффекта с интеллектом, чтобы можно было судить о рациональности, а тем более — иррациональности того или иного поведения или состояния. Доверие возникает или не возникает как следствие тех или иных событий, происходящих в сферах образов, действий и чувств и различно представленных в сознании. Взаимоотношения между главными компонентами (образующими, по А.Н. Леонтьеву) бытийного слоя сознания — биодинамической тканью действия и чувственной тканью — образа опосредствованы ситуативными аффектами, например претерпеванием, удовольствием, преодолением и т.п. События, происходящие в указанных сферах, подвергаются сравнению, оценке, фоновой рефлексии, служащими основанием для появления чувства доверия. Это означает, что базовое чувство доверия, возникающее в раннем возрасте, со-бытийно по своему происхождению. Л.И. Шестов подчеркивал различие между верой («величайшим даром», «непостижимой творческой силой») и доверием человека к наставникам, родителям и т.д., которое есть только «суррогат знания», «знание в кредит», «пред-рассудок». Конечно, такое знание — не результат теоретического научного познания. Это до-тео-

ретическое знание, знание до знания, являющееся составной частью живого знания, жизненно-интуитивного опыта. О его значении писали другие русские философы — И.В. Киреевский, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет. Аналогами «живого знания» являются представления Б. Паскаля о «логике сердца» и «чувствующем уме». Чисто интеллектуальное доверие, если такое возможно, возникает в развитии человека значительно позже и, что греха таить, оно менее надежно. Последнее можно проиллюстрировать философскими спорами о том, доверять или не доверять познанию. Г. Гегель утверждал, что недоверию к познанию нельзя противопоставить ничего другого, кроме недоверия к недоверию [19; 416 и сл.].

Мой учитель А.В. Запорожец многое сделал, чтобы выяснить и показать жизненную роль аффектов в управлении поведением, роль, сочетающуюся и согласующуюся с регулирующими функциями интеллекта. Он с сотрудниками проследил возникновение синтетических эмоционально-когнитивных комплексов типа аффективных образов, моделирующих смысл определенных ситуаций и начинающих регулировать динамическую сторону поведения ребенка уже на относительно ранних ступенях его развития [6; 258—259]. Л.И. Божович говорила об этом же в терминах «мотивирующих представлений», подчеркивая их побудительную силу. Эмоциональные переживания — не только аккомпанемент поведения и деятельности. Они участвуют в регуляции и корригировании их протекания, в предвосхищении последствий выполняемых действий. Конечно, доверие к собственным чувствам, как, впрочем, и к своему уму, не должно быть безоглядным. Поэтому-то, как правило, *ум с сердцем не в ладу*. Но, в конце концов, в процессе развития, в союзе с интеллектом эмоции имеют шанс стать умными, обобщенными, предвосхищающими более отдаленные последствия поведения и деятельности. Таким образом и интеллект в союзе с эмоциями может приобрести черты эмоцио-

нально-образного мышления, играющего столь важную роль в смыслообразовании и целеполагании. Именно в таком взаимодействии А.В. Запорожец видел то единство аффекта и интеллекта, которое Л.С. Выготский считал характерным для высших человеческих чувств [6; 283].

Этим, конечно, не исчерпывается перечень возможных «соперников» неопределенности. Стоит упомянуть сознание, допускающее множественность миров/реальностей и само творящее новые миры (порой, вопреки своему смысловому строению), слишком похожие на бред, т.е. либо уменьшающие, либо умножающие неопределенность. В оправдание сознания можно сказать, что ему есть у кого учиться: «Уровень бреда выше уровня жизни», — как-то обронила М. Цветаева.

Казалось бы, разум — наиболее эффективное средство борьбы с неопределенностью. Правда, никто не доказал, что отдельно взятый (голый) разум — это лучшая наша часть. Есть еще одно «но»! В России когда-то говорили, что разум приходит поздно — как квартальный на место преступления. И в самом деле, разум — довольно неповоротливая машина. В нем слишком большое место (и время) занимают сомнения, рефлексия, колебания, лень. Между прочим, он для этого и предназначен. Его задача — решение проблем, которое состоит в расплавлении существующей определенности, превращении ее в плодотворный хаос, т.е. в увеличении неопределенности, и затем, если повезет, — в достижении новой определенности, которая в хаосе самом по себе не содержится. Поэтому разум не выбирает, а исследует, не только ищет, а конструирует (хорошо бы вместе с сердцем!) смысл. Здравый смысл тоже вызывает нарекания: кажется, К. Дункер говорил, что он имеет превосходный нюх, но гнилые зубы. Г.Г. Шпет, не без ехидства, заметил, что здравый смысл понимает лишь то, что здраво. Если нужна «сумасшедшая идея», на него рассчитывать не приходится. Ее можно ожидать только от свободного че-

ловека. Более надежными средствами минимизации неопределенности являются принятие осмысленного решения и действие, точнее, решимость действовать или воля к действию, порождающие свободное действие, поступок, «ответственное единство» мышления и поступка. М.М. Бахтин говорил и об участном в бытии, поступающем мышлении: «Я мыслю — поступаю мыслью». Такая мысль, как и поступок, цельна.

Реже вспоминают, что цельно и чувство, лежащее в основе поступка. А.В. Запорожец утверждал, что эмоции — орган индивидуальности, ядро личности, которая прежде всего характеризуется способностью к поступку и свободой. Согласно древним: только свободный человек не делает ошибок, т.е. свободный человек достигает вершины определенности (прежде всего своей собственной личности). Это особый сюжет, требующий анализа явления свободы, свободного действия (в том числе интеллектуального), *causa sui*, самодетерминации, путей преодоления избыточности степеней свободы кинематических цепей человеческого тела при построении действия, избыточности образа по отношению к оригиналу, избыточности степеней свободы внимания, памяти, интеллекта, желаний, мотивов и т.д. А. Бергсон назвал бы это множественностью центров индетерминизма в человеческом поведении и деятельности. Перечисленные виды избыточности — это и есть плодотворный хаос, представляющий собой «строительный материал» для создания все новых и новых функциональных органов-новообразований индивида, орудий его творческой деятельности. Последняя, будучи свободной, достигает определенности.

Необходимость неопределенности. Если живые существа не только преодолевают, но и увеличивают неопределенность мира, то, возможно, она далеко не всегда заслуживает противодействия и может представлять собой благо, как, например, недосказанность великих произведений искусства или приобретаемое в результа-

те усилий науки и разумно организованного обучения ученое незнание — *docta ignorantia* (Н. Кузанский). Знание о собственном незнании — неотъемлемая часть и неперенное условие компетентности, о достижении которой заботится образование. Эти и другие подобные примеры заставляют думать об актуальности проблемы толерантности к неопределенности.

Собственно, у психологии и психологов нет альтернативы, так как неопределенность столь же объективна на уровне индивида, как и на уровне социума. Лучшим способом преодоления неопределенности является признание ее существования, из чего, собственно, исходила упомянутая выше психологическая физиология в лице А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна и их, к сожалению, немногочисленных последователей. Неустранимость разброса, бесконечная вариативность в движении, действии, в перцепции и чувстве, в поведении, деятельности — не дефект, а благо, основа неповторимости, уникальности и индивидуальности — индивидуации — живого существа. Человек все делает, как в первый раз. Движение не повторяется, а творится. Б. Пастернак парадоксально выразил свое восхищение «вдохновенной затверженностью балета». Неопределенность окружения, требующая вариативности поведения, — это основание свободы и творчества.

Неопределенность характерна для любой ситуации развития и становления человека. Не вдаваясь в давние споры о количественных и качественных мерах неопределенности, примем, что она может быть выражена в числе возможных альтернативных способов активности. Ими должно обладать живое существо. К тому же они должны актуализироваться в масштабе реального времени, а в предельных ситуациях создавать свое собственное время. Другими словами, неопределенности должны противостоять избыточность и динамика механизмов и способов активности живого существа. Сложности внешнего мира должны противостоять не просто сложность, а сверхсложность внутрен-

него мира: «пространства внутренний избыток», избыток, включающий все существующие в человеке одновременно цвета времени: настоящее, прошлое и будущее, причем будущее не просто предвидимое, а потребное, т.е. не вероятностное, а осмысленно построенное, сконструированное. Значит, внутренний мир должен быть не просто эквивалентным или превышать по сложности внешний. Он должен быть если и не умнее внешнего, то, как сказал бы Г. Гегель, — хитрее.

Нужно отдавать себе ясный отчет в том, что осознанное освоение привлекательной территории неопределенности, которую, как я пытался показать выше, психология никогда не покидала, есть вместе с тем освоение территории свободного действия, свободы воли. Правда, инерция — великая сила. Много раньше И.Р. Пригожина А. Бергсон писал о творческой эволюции; Л.И. Шестов высказывал сомнения в ценности «ничего не смыслящей равнодушной, безличной и безразличной необходимости» как конечной цели познания, он сомневался и в том, что разумная свобода и необходимость — одно и то же: «На самом деле это совсем не одно и то же. Необходимость остается необходимостью, будет ли она разумной или неразумной. Однако ведь разумной необходимостью называют всякую непреодолимую необходимость. Но последнее обстоятельство искусно замалчивается, и не напрасно. В глубине человеческой души живет неистребимая потребность и вечная мечта — пожить по своей воле. А какая же это своя воля, разумно, да еще необходимо? Такая ли своя воля бывает? Человеку же больше всего на свете нужно по своей, хоть и глупой, но по своей воле жить. И самые красноречивые, самые убедительные доказательства остаются тщетными» [19; 612]. Что делать, человек создан не для удобства экспериментаторов, как заметил когда-то Дж. Миллер, добавлю, и теоретиков.

Самое сложное — понять, как человек в реальной, жизненной ситуации противостоит неопределенности и достигает

определенности (эффекта, результата). Апогей неопределенности наступает в критической, непредсказуемой, чрезвычайной ситуации. Ее преодоление требует согласованной и напряженной активности многих динамических функциональных систем или органов (в просторечии — сил души). Каждая из таких систем представляет собой потенциальный центр как индетерминации, так и детерминации. Само по себе выявление доминантного центра, принимающего решение о путях выхода из критической ситуации, недостаточно. Как заметил А.А. Ухтомский, судьба реакции (ответного действия) решается не на станции отправления, а на станции назначения. Все системы должны находиться (или прийти) в неравновесном состоянии готовности (активного покоя).

Перечислим только некоторые из функциональных систем, которые обеспечивают принятие решения и осуществление требуемого действия. Для облегчения понимания воспользуемся их метафорическим описанием, которое не хуже любого другого: одна живая метафора стоит дюжины мертвых понятий [7]. Начнем со сферы смысла, которую язык не поворачивается назвать системой. М. Вебер уподобил человека животному, находящемуся в паутине смыслов, которую он сам же сплел, видимо, из своего бытия. Найти в ней нужный узелок, если он не вибрирует, не так-то просто. Естественно, в преодолении критической ситуации принимает участие моторная, исполнительная система. Н.А. Бернштейн уподобил живое движение паутины на ветру. А.В. Запорожец сравнивал живое движение, освобожденное от моторных штампов, с Эоловой арфой. Выше говорилось о том, что живое движение — это ищущий себя смысл, но не только. Оно участвует в построении образа ситуации и в построении образа требуемых действий. Построенный живой образ может быть вибрирующим, мучительным и зыбким, подвижным, не менее текучим, чем смысл и движение. Образ подвержен оперированию, манипу-

ляциям и трансформациям. Его можно уподобить той же паутине на ветру. Близка к перечисленным функциональным системам характеристика мысли, данная Ж. Делезом: «Логика мысли не есть уравновешенная рациональная система. Логика мысли подобна порывам ветра, что толкают тебя в спину. Думаешь, что ты еще в порту, а оказывается — давно уже в открытом море, как писал Лейбниц» [4; 121]. Наконец, читателям, озабоченным поисками физиологических механизмов поведенческих и психических актов, можно напомнить, что близкую метафору использовали нейрофизиологи, утверждавшие, что в живом организме сеть дендритов подвижна, как ветки дерева при легкой ветровке.

Итак, мы перечислили лишь некоторые динамические функциональные системы, каждая из которых характеризуется собственным избытком присущих ей степеней свободы и находится в неравновесном состоянии. Разумеется, в таких системах присутствует «стремление» к равновесию, и даже к устойчивому, но едва ли такое стремление или движение к равновесию следует возводить в «принцип равновесия», как это делал Ж. Пиаже. Для работы всех функциональных органов и их систем, будь они моторными, перцептивными, умственными, равновесие — лишь момент достижения результата, после чего они вновь возвращаются в неравновесное состояние. Например, ум, решивший задачу, не может успокоиться. Как память «ищет» себе интеллект, так и интеллект постоянно «ищет» себе предмет размышлений. Полное обнуление степеней свободы есть смерть. Как установил А. Пуанкаре, сложные системы неинтегрируемы, так как существуют резонансы между степенями свободы. И.Р. Пригожин, со своей стороны, показал, что в случаях резонанса возможна усиливающая, конструктивная интерференция между частями системы. Ни с этим ли случаем придется иметь дело психологам, пытающимся понять, как устанавливается необходимое для решения задач взаимодействие дина-

мических функциональных систем? Разумеется, условием такого единения, своего рода пула, должно быть наличие установки, устремления, направленности, «детерминирующей тенденции», или наконец, цели, захватывающей всего человека. При наличии всего этого нельзя недооценивать и человеческой спонтанности, посредством которой он эффективно противодействует неопределенности и случайности. Спонтанные действия — это далеко не всегда слепые пробы и ошибки. Им, как и разумным или рассудочным действиям, сопутствует чувство порождающей активности и рефлексивная оценка их эффективности. Однако спонтанность, рефлексия и смысл — это особый сюжет, выходящий за пределы настоящего изложения.

*

В заключение выражу уверенность, что в ближайшее время интерес, а соответственно, и толерантность к неопределенности должны возрасти в связи с тем, что психология мало-помалу становится событийной, а не только описательной, понимающей, объяснительной, деятельностной. К этому ее толкают прежде всего многочисленные сферы практики, к которым она становится причастной. Почти два десятилетия назад М.К. Мамардашвили, обсуждая проблему так называемой детерминации, или детерминизма человеческого существа и человеческих обществ, говорил: «Что-то нам чудится уже другое, что в реальности происходит несколько иначе, чем дано нам в известных оппозициях свободы—необходимости, свободы и причины. И мы фактически пытаемся завоевать некоторый **непричинный** взгляд на действительность» [11; 546]. Будем надеяться, что, по мере того как мы сами будем порождать и конструировать причины собственных действий, такое завоевание продолжится. Впрочем, у меня нет иллюзий, что когда-нибудь удастся остановить качели между детерминизмом и свободой. Стремление найти конечные причины, незывлемые законы поведения и деятельности человека (а то

и назначить их) неистребимо, как сама природа. К счастью, столь же неистребимо стремление человека к свободе, к поиску собственного жизненного пути. На этой неопределенной ноте я закончу. На мой взгляд, такая открытая неопределенность лучше, чем раз навсегда установленная закрытая догматически безнадежная определенность. Будем это противоречие держать в сознании.

1. *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. Т.1. М.: Правда, 1993.
2. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983.
3. *Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6. С. 26—41.
4. *Делез Ж.* Делез // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007.
5. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
6. *Запорожец А.В.* Избр. психол. труды: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1986.
7. *Зинченко В.П.* Живые метафоры смысла // Вопр. психол. 2006. № 5. С. 100—113.
8. *Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопр. филос. 1977. № 7. С. 109—125.
9. *Кандинский В.В.* О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992.
10. *Лапин Н.И.* Проблема формирования современного социетального порядка в России // Вопр. филос. 2006. № 11. С. 3—13.
11. *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1997.
12. *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
13. *Пригожин И.Р.* Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. М.; Ижевск.: РХД, 2000.
14. *Спиноза Б.* Этика: В 2 ч. Ч. II. СПб.: Азбука-Классика, 2007.
15. *Топоров В.Н.* Эней — человек судьбы: В 2 ч. Ч. I. М.: Радикс, 1993.
16. *Ухтомский А.А.* Избр. труды. Л.: Наука, 1978.
17. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990.
18. *Хайдеггер М.* Цолликонеровские семинары (первые три беседы) // Логос. 1992. № 3. С. 82—97.
19. *Шестов Л.И.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993.
20. *Шпет Г.Г.* Работа по психологии // Г.Г. Шпет *Philosophia Natalis.* Избранные психолого-педагогические труды. М.: РОССПЭН, 2006. С. 141—246.
21. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: Ленато; АСТ; Фонд «Университетская книга», 1996.
22. *Ярошевский М.Г.* Когда Л.С. Выготский и его школа появились в психологии? // Вопр. психол. 1996. № 5. С. 110—119.

Поступила в редакцию 25.IX 2007 г.